

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ Г.П. ФЕДОТОВА (1886–1951): МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.А. Гаман

Северская государственная технологическая академия

E-mail: Gamanl@yandex.ru

Рассматриваются некоторые положения концепции советской истории Г.П. Федотова (1886–1951 гг.). Особенное внимание уделяется её методологическим основаниям. Подчёркивается научная ценность междисциплинарной по своему характеру методологии Г.П. Федотова, позволившей создать панорамный образ Советской России.

Русский историк, религиозный мыслитель Г.П. Федотов (1886–1951 гг.), чья творческая индивидуальность раскрылась в годы жизни в эмиграции (1925–1951 гг.), может быть по праву отнесён к числу наиболее значительных представителей отечественной культуры XX в. Высокая профессиональная компетентность как историка, большая эрудиция, внимательное отношение к проблемам современности, напряжённость мысли, литературное мастерство мыслителя делают его творчество актуальным и в настоящее время.

Особенный интерес творческое наследие Г.П. Федотова вызывает в свете современного историографического кризиса, отмеченного поисками путей модернизации исторической науки [1]. Антропологические и культурологические подходы к истории, использование полидисциплинарных технологий в ходе изучения модернизационных процессов – эти и другие актуальные проблемы современной историографии с разной степенью выраженности присутствуют в историко-философских построениях русского мыслителя. Широкое применение разнообразных исследовательских стратегий позволило Г.П. Федотову осуществить глубокий историко-философский анализ отечественной истории, в том числе советского её периода. Последний являлся объектом особенного внимания мыслителя: именно советская история стала для него тем фокусом, через который преломился российский исторический процесс в его разных временных модальностях. Он настаивал: «... как ни резки бывают исторические разрывы революционных эпох, они не в силах уничтожить непрерывности ... Вот почему необходимо иметь всегда перед глазами это фон тысячелетней истории ... Мы ищем предпосылок будущей русской культуры России в её настоящем, стараясь уяснить его в свете прошлого» [2. С. 164–165].

Дополнительную весомость представлениям Г.П. Федотова о советской истории придаёт то, что он являлся вдумчивым летописцем многих важнейших событий первой половины XX в. Предметом его тщательного анализа стали русская революция 1917 г., переход власти к партии большевиков, зарождение советского государства и его трансформация в сторону тоталитарного режима, противостояние СССР и западных демократий в по-

слевоенный период, многие другие важнейшие события отечественной и мировой истории XX в. Глубокий аналитический ум Г.П. Федотова, – современники называли его «Герценом нашего времени» [3. С. 177], – его внимание к России и перспективам её дальнейшего развития позволили создать панорамную картину советской действительности во всей её противоречивости, сложности и трагичности. В свете сказанного представляется актуальным обращение к концепции советской истории, предложенной Г.П. Федотовым, как версии, способствующей более глубокому постижению этого периода развития России.

Творческое наследие Г.П. Федотова, характеризующееся богатством идей, долгое время оставалось практически неизвестным в России: основной причиной тому явились, конечно, идеологические перекосы советского времени. Лишь в начале 1990-х гг. произведения мыслителя начали публиковаться на его родине. Тогда же появляются первые работы, – сначала переводные, а затем и принадлежащие перу отечественных исследователей, – посвящённые его творчеству. К числу наиболее объективных исследований теоретических представлений мыслителя и особенностей его мировоззрения относятся небольшие по объёму, но содержательные очерки его современников Ф.А. Степуна [4. С. 299–319] и М.В. Вишняка [3. С. 173–182]. В отечественной историографии взвешенные подходы к творчеству мыслителя содержатся в статьях А.Н. Меня [5] и В.Ф. Бойкова [6. С. 3–38]. Большой интерес представляет отдельная глава в монографии О.И. Ивоиной, посвящённая исследованию его представлений о направленности всемирно-исторического процесса [7. С. 280–334]. Некоторые стороны взглядов Г.П. Федотова о советской истории проанализированы в нашей статье [8]. Следует подчеркнуть, что большинство авторов, исследовавших историко-философские взгляды отечественного ученого, не ставили перед собой задачи систематического изучения его концепции советской истории, чем объясняется их фрагментарное внимание к ней. Преодолению этого пробела и посвящается данная статья, в рамках которой представляется возможным ограничиться освещением лишь некоторых аспектов, прежде всего, методологического, версии советской истории Г.П. Федотова.

Обращаясь к творчеству мыслителя, следует учитывать его религиозную природу. Основной контекст его историко-философских построений определялся глубокой убеждёностью автора в существовании онтологических оснований исторического процесса. «Христос воплотился единожды в мире ... Христос воплотился в человечестве, ставшем, наконец, Его живым телом. Процесс этого воплощения и есть историческое дело Церкви. Историческое дело человеческого общества есть культура. Следовательно, Церковь есть христианское общество и христианская культура» [9. С. 301]. Мыслитель полагал, что самый тип исторической активности отдельных народов зависит от того или иного толкования этой истины [9. С. 304]. Здесь следует искать истоки его глубокой убеждённости в необходимости восстанавливать социальную активность церкви, как института, несущего ответственность за социальную гармонию в обществе. Высокая требовательность Г.П. Федотова к социальной функции церкви заострялась его представлением о ней как о «святыне, воплощающейся в истории» [9. С. 228]. В этой же плоскости им интерпретировались ментальные особенности народов, напрямую влияющие на формирование их коммуникационных стереотипов и предпочтений. Именно эти последние, полагал автор, в значительной степени обусловили, например, победу социалистической идеи в России, ставшей конвенциональной для большинства россиян в революционное и пореволюционное время. «В России не раздался ни один голос в защиту частной собственности. Конфискация всей промышленности была воспринята не одними большевиками, как акт почти нормальный, и, во всяком случае, справедливый. Социализм, который никак не укладывается в американскую голову, без труда был принят в России, а не только вкочлен насильем», — писал Г.П. Федотов [10. С. 308–309].

Признание онтологической подоплёки исторического процесса позволило мыслителю теоретически обосновать присутствие религиозного компонента в структуре национального сознания: «Каждый народ, не только каждая душа, призван исповедывать Христа своим языком, своим гением, своим особым служением в мире» [11. С. 124]. Вместе с тем, в решении этого вопроса он продемонстрировал научную взвешенность. Так, касаясь распространённого стереотипа об особой религиозности русского народа, он писал: «На самом деле это впечатление объясняется тем, что XIX век застаёт Россию и Европу на разных актах религиозно-исторической драмы. В России — в народных слоях её — средневековье удержалось до середины XIX в. Европа XIV–XV столетий представляла бы более близкую аналогию императорской России ...» [2. С. 182–183]. Как следует из работ ученого, многие особенности советской истории были обусловлены подобным «наложением» исторических эпох.

Теоретические основания концепции советской истории Г.П. Федотова, конечно, не могут быть сведены лишь к онтологической её составляющей. Безусловно, уверенность в существовании онтологической глубины позволяла настаивать ему на внутреннем единстве мира, на его целостной природе, что, по его убеждению, могло гарантировать от фрагментации исторического процесса, а, следовательно, от искажения исторической перспективы. При анализе отдельных социально-исторических феноменов Г.П. Федотов, стремясь к всестороннему их осмыслению и освещению, обращался к метафизическим их истокам. Так, например, разрушительность большевизма отчасти связывалась им с проявлениями «демонофании». Он писал в связи с этим: «Дух большевизма — дух небытия ... Русские большевики — люди, и не всегда худшие из людей: отношение к ним как к бесам отвратительно и религиозно недопустимо. Но дух, сидящий в них именно таков, и разрушая их самих, он производит разрушительный эффект на огромном радиусе вокруг себя. Большевизм можно мыслить как демона-мстителя, выпущенного из подпольных недр старой России для её казни. Ужас в том, что палач России ... превратился в её воспитателя» [2. С. 39]. Существенно, что в цитированном фрагменте понятие «демон» не несёт метафорического значения.

Вместе с тем, будучи историком, ученый настаивал на необходимости осторожного применения в собственно историческом исследовании методов, базирующихся на легитимации онтологических оснований мира. Неуклонное следование этому принципу в исторических изысканиях следует признать характерной особенностью его исследовательской стратегии. Для непосредственного изучения исторических фактов, локализованных во времени и пространстве, Г.П. Федотов прибегал к методам, лишь опосредованно связанным с онтологией истории. Приоритетным для него стал культурно-антропологический подход. «Первой предпосылкой культуры является сам человек» [2. С. 165], — сформулировал он один из важнейших своих теоретических постулатов. С учётом такой антропоцентрической направленности мысли Г.П. Федотова проясняется всё значение его философии истории, находящейся в жёсткой оппозиции любым монистическим её интерпретациям. Монизм в историческом исследовании, полагал он, «делает невозможным постижение исторического процесса, в котором добро и зло никогда не распределяются начисто между партиями и направлениями» [9. С. 334]. Критически относясь к любым теориям, основанным на идее предопределённости истории, — мыслитель, напротив, настаивал на «трагической непредопределённости конца» [10. С. 334–335], заявляя о себе как о стороннике и продолжателе Августиновского учения об истории «как вечной борьбе двух начал» [2. С. 22]. Он подчёркивал: «... история есть мир человеческий — не

природный и не божественный, — и в нём царит свобода. Как ни велико в истории значение косных, природных, материальных сил, но воля вдохновлённого Богом или соблазнённого Люцифером человека определяет сложение и распад природных сил. С этой точки зрения, не может в мире пройти бесследно ни слабое усилие к добру, ни малейшее движение зла. Не поглощаются они одним историческим процессом, а включаются в разные одновременно действующие процессы: созидания и разрушения» [2. С. 22]. В данном случае лишь подчеркнём, что принципиальное для теоретических построений мыслителя указание на ведущее значение проблемы свободы в истории повлияло на оформление основного содержания его концепции советской истории.

Философия истории Г.П. Федотова имела свои несомненные преимущества. Она существенно расширяла исследовательские перспективы, позволяя включать в поле исторического исследования проблемы, нередко выпадавшие из поля зрения историка. Речь идёт, в первую очередь, об усилении внимания к культурологической проблематике, при расширенном понимании культуры как способа человеческого существования. Между прочим, Г.П. Федотов указал на то обстоятельство, что слабый интерес к подобной проблематике был особенно характерен для отечественной историографии, тогда как именно духовная жизнь составляет самую «душу истории» [9. С. 228]. «Русские историки, — писал он, — в огромном большинстве своём, чуждались проблем духовной культуры... Русская историография осталась и остаётся, конечно, наибольшей «материалисткой» в семье Клио» [11. С. 348]. Применительно к теме данной работы сосредоточенность на социокультурной проблематике нашла своё выражение, в частности, в систематическом внимании к культурным аспектам и последствиям социалистического строительства.

Как следует из работ Г.П. Федотова, особенный интерес для него представляла проблема ментальных трансформаций россиян в советский период, обусловленных множеством разнопорядковых, но всё же сложно связанных между собой факторов. Это и революционный разлом, и процессы культурной и социальной мобильности, как горизонтальной, так и вертикальной, и ускоренные темпы советской модернизации, и укрепление тоталитарного режима, и т. д. Так, например, он находил явные позитивные сдвиги в русской хозяйственной этике, обусловленные модернизационными процессами в стране. Он писал: «К русской одарённости мы привыкли. Но знаем также хорошо и русский анархизм, неохоту и нелюбовь к социальной и трудовой дисциплине. Новое поколение преодолело эту распушенность» [2. С. 108]. Однако многие новые явления в Советской России вызывали оправданную его обеспокоенность. Связывая будущие судьбы России с качественным состоянием народа «как духовно-исторической личности»

[10. С. 263], он считал крайне опасным для нравственного здоровья нации беспрецедентное распространение имморализма в стране. «Школа сталинского «гуманизма» принудительно воспитывает в аморализме ... Жить в тоталитарном строе значит лгать с утра до вечера ... В этой утрате критерия правды и даже нормы правдивости самая страшная язва современной русской души», — подчёркивал учёный [10. С. 260–261].

Важным преимуществом философии истории Г.П. Федотова являлось снижение вероятности морализирующего отношения к конкретным событиям и социальным феноменам, несмотря на присутствие в ней заметно выраженного этического компонента, неизбежного при понимании истории как трагедии. Пожалуй, здесь следует искать корни столь характерного для него стремления объективного выявления не только негативных, но и позитивных сторон советской действительности. Примечательно, что в одной из своих статей Г.П. Федотов даже предложил специфическую схему «благодетелей» и «преступлений» большевиков перед Россией [2. С. 25–28]. Заметим попутно, что трагическое доминирование негативных явлений в пореволюционной России, особенно усилившееся после 1930 г., связывалось им с непродуманной политикой большевиков, которые «размотали, спустив по ветру не только капиталы старого режима (в чём их обвиняет реакция), но и капитал самой революции» [2. С. 28].

Постижению специфического характера отечественной истории, в том числе советского её периода, призвана была способствовать разработанная Г.П. Федотовым оригинальная «историческая схема русского человека» [2. С. 182–183], связанная с его философией истории. Её суть можно свести к представлению о человеке как состоящем из культурно-исторических напластований, древние пласты которого относились мыслителем к весьма глубокой старине. Подобный подход не может представляться бесспорным для сторонников классического сциентистского проекта. Так, Л.М. Баткин настаивал: «... русская культура, подобно другим национальным культурам, возникла на переходе от позднего средневековья к новому времени, и распространять поиски её своеобразия в глубь более отдалённых веков непродуктивно» [12. С. 50]. В концепции Г.П. Федотова подобные ограничения снимались его фундаментальной посылкой о глубоком внутреннем единстве истории, в том числе в её пространственно-временном измерении. Кстати, в свете этого его убеждения рельефнее всего высвечивается характерное для него представление об исторической преемственности. Он, например, подчёркивал: «Основная линия истории — это накопление ценностей, а не их разрушение ... Частичное сохранение феодализма в Англии объясняет многое в жизненности её демократии; тоталитарная выкорчёвка феодализма в России порождает как её самодержавие, так и сталинизм» [10. С. 214]. Несомненна актуальность размышлений Г.П. Фе-

дотова об исторической преемственности для российского общественного сознания, как компоненте, способствующем преодолению стереотипов бинарного мышления [13. С. 61]. В контексте подобных представлений мыслителя интересны его размышления и об альтернативности исторического развития: принципиально допуская возможность «выбора между разными вариантами исторического пути народов», он, вместе с тем, настаивал на большом ограничивающем значении «власти прошлого» в их судьбах [2. С. 277].

Построение методологической схемы, нацеленной на приоритетное изучение социокультурных сторон общественного развития, явилось результатом творческого освоения Г.П. Федотовым достижений социальных и гуманитарных наук XIX — первой половины XX вв. Подобный теоретический синтез без особого труда согласовывался со столь характерным для русской религиозной мысли идеалом «цельного знания», которым руководствовался и Г.П. Федотов. В терминах современной науки можно говорить о междисциплинарном подходе как основе его методологии: собственно исторические методы исследования удачно комбинировались им с философскими, филологическими, лингвистическими, социологическими методами. Проиллюстрируем это на примере творческой рецепции русским автором идей М. Вебера. Как известно, главной заслугой последнего и сегодня считается фокусирование внимания на проблематике «места и роли социокультурной, в особенности религиозно-этической, специфики цивилизаций» в историческом развитии [14. С. 122].

Едва ли можно отрицать и значение основного методологического приёма М. Вебера для оформления исследовательского инструментария Г.П. Федотова: конструкция «идеального типа», как это показывает анализ его работ, оказалась творчески применённой русским автором к исследованию российского исторического процесса. Безусловно, создание идеальных типов имеет свои пределы, что, конечно, не снижает их научной ценности: они нацелены на отражение наиболее существенных сторон исследуемых явлений, тогда как вся их многосложность не может быть учтена. К числу удачных примеров идеальных типов, так или иначе связанных с версией советской истории Г.П. Федотова, следует отнести его модель «антилиберального московского человека», в социально-психологическом портрете которого он усмотрел немало общих черт с человеком советским, в том числе по линии национального сознания. Развивая одну из ключевых идей бердяевской историософии, мыслитель подчёркивал: «Он (советский человек — Л.Г.) ближе москвичу своим гордым национальным сознанием, его страна единственно православная, единственно социалистическая — первая в мире: третий Рим» [2. С. 300].

Большую научную значимость до настоящего времени представляют созданные Г.П. Федотовым

модели социальной структуры предреволюционной России, социальной структуры советского общества, «сталинокрапии». Последняя проблема особенно интересовала ученого: внимательно наблюдая за процессами, протекавшими в СССР, он не мог не понимать центрального её значения для развития страны. В связи с этим представляют интерес многие его суждения относительно «сталинокрапии», как феномена советской истории, в том числе относительно механизма его формирования и условий большой устойчивости. Признавая наличие выраженного иррационального компонента в русском национальном сознании, Г.П. Федотов подчеркнул его решающее значение для ресакрализации монархической идеи в советское время, чему в немалой степени способствовала политика целенаправленного продуцирования новой исторической мифологии, осуществлявшаяся усилиями властей [10. С. 171]. Она стала эффективным средством влияния на политическое сознание советских людей в направлении, способствовавшем установлению режима личной власти И.В. Сталина в России, распространённого в послевоенный период и на ряд стран Восточной Европы. Давая свою оценку этим процессам, Г.П. Федотов в статье 1945 г. писал: «Если развитие будет идти в том же направлении ... и достаточно долгое время, то монархия именно византийского, а не русского типа (т. е. принципиально не наследственная и сверхнациональная) явится последним завершением русской революции» [10. С. 171].

Становление «сталинокрапии» связывалось Г.П. Федотовым и со сложными внутрипартийными процессами в большевистской партии: одной из основных причин закрепления тоталитаризма в СССР явилось, согласно его мысли, политическое поражение «ленинской гвардии». Резюмируя своё понимание внутрипартийной борьбы большевиков, он писал в работе 1930 г.: «Общая картина ясна: отчаянная борьба идейного ядра с честолюбивым и корыстным хвостом и не менее отчаянная борьба за потерянный ленинский путь. Ядро тает с годами... Подчиняясь диктатуре одного, растрачивается идейный багаж, партия, чем дальше, тем больше утрачивает смысл своего существования. Сталинская диктатура лучше охраняется советским аппаратом ГПУ» [11. С. 206]. Политические манёвры И.В. Сталина, поддерживаемые отлаженной репрессивной системой, в сочетании с комплексом монархических чувств русского народа, способствовали, как полагал Г.П. Федотов, разворачиванию очередной революции в России, оставшейся незамеченной для большинства советских людей. «Новая революция Сталина есть классическая форма русской революции сверху, имеющая формальную аналогию с революцией Петра и материальную — с революцией Грозного» [11. С. 229], — констатировал он в 1931 г.

К этому времени согласно Г.П. Федотову, следует отнести начало интенсивной деструкции «сво-

бодного самосознания» широких народных масс, «выкованного революцией» [11. С. 229–230]. Между прочим, такое сознание и делало возможными, по его мнению, те проявления свободы, — пусть ограниченные, — которыми была отмечена Россия первых пореволюционных лет. Он писал в 1945 г.: «... при Ленине меньшевики вели легальную борьбу в Советах, существовала свобода политической дискуссии в партии, литература, искусство мало страдали. Об этом так странно вспоминать теперь» [2. С. 298]. В событиях же рубежа 1920–1930-х гг. был заложен новый трагический раскол страны, демагогически использованный И.В. Сталиным, отличавшимся, как настаивал Г.П. Федотов, крайне низким культурным уровнем, в целях укрепления собственного режима. «Аппарат опричников и наёмников должен опираться на какие-то общественные слои. Вот здесь-то и лежит проклятие режима — в его дьявольском умении расколоть Россию, создав целые привилегированные классы без отмены всеобщего рабства» [10. С. 258].

Положение Г.П. Федотова о принципиальной антиэгалитарности сталинизма, как важнейшем факторе, обусловившем воссоздание нового классового общества, обеспечившим устойчивость тоталитарного государства, становится с начала 1930-х гг. одним из ключевых в его концепции советской истории. «Новые классы, — настаивал он, — основаны не на отношениях собственности, а на службе государству, как в старой крепостнической России» [10. С. 202]. Ярko выраженный патерналистский характер советской власти в сталинский период исключал всякую возможность подлинной самостоятельности новой элиты. Размышляя над сложившейся в СССР ситуацией, он писал: «Писатели, художники учёные — теперь и епископы, — после пережитых страданий преданы обласкавшему их режиму — вероятно, не за страх, а за совесть» [10. С. 203]. До этого времени Г.П. Федотов не сомневался в возможности позитивной эволюции советского государства. Об этом свидетельствует и то, что те же процессы социальной стратификации в работах 1920-х гг. оценивались им не только как реставрационные по своему характеру, но и как показатель нормализации жизни в пореволюционной России [2. С. 100–102]. Экспансия сталинского тоталитаризма в СССР — а с 1944 г. и за его пределами [10. С. 190], — усиливала его пессимистические настроения. Постепенно негативные оценки советской действительности начали явно доминировать в размышлениях учёного о Советской России, что отчётливо проявилось в статьях американского периода его творчества (1942–1951 гг.).

Касааясь концепции советской истории Г.П. Федотова, нельзя обойти стороной ключевую для русского национального сознания тему «Запад — Россия — Восток». В числе первых он обозначил новые грани этой проблемы, зазвучавшей по-особому в свете катастрофических событий XX века. «Речь идёт уже не о самобытности и Европе, а о Востоке

и Западе в русской истории» [11. С. 50], — подчёркивал автор. Тем самым обозначалась семантически усложнённая историческая компаративистика Г.П. Федотова, без учёта которой весьма сложно реконструировать его концепцию советской истории. Мыслитель подчёркивал необходимость признания культурно-исторических особенностей Европы и России, наряду с констатацией несомненного единства их исторических корней и религиозной судьбы [2. С. 231]. Постулат об общности двух внешне столь разных культурных миров следует признать одним из ключевых в историко-философских построениях Г.П. Федотова. Опираясь на него, он не только создавал теоретический фундамент для своей исторической компаративистики, но и стремился обозначить перспективы дальнейшего развития России в условиях глобализирующегося мира со всеми сопутствующими этому процессу сложностями. Несмотря на изменившийся образ России после 1917 г., Г.П. Федотов не переставал утверждать: «Нам придётся сочетать национальное дело с общечеловеческим. Мир нуждается в России ...» [11. С. 46].

Современный русскому ученому Запад представлялся ему переживающим глубочайший кризис. «Этот кризис протекает в трёх планах: духовной культуры, социально-политических и внешнеполитических или международных, отношений... Во всех сферах жизни кризис является результатом распада исконного единства христианской цивилизации» [10. С. 155], — пояснял он своё видение ситуации. В соответствии со своим пониманием природы кризиса, Г.П. Федотов высказал предположение, что широкое распространение разных версий фашизма в Европе, — советский коммунизм так же интерпретировался им как один из вариантов фашизма [10. С. 201], — явилось ответом на этот основной вызов эпохи, остро поставившей на повестку дня вопрос о «цельном мировоззрении, социальной ориентировке, этическом динамизме» [10. С. 226]. Поисками путей преодоления кризиса, отмеченными «устремлённостью Запада к новым формам жизни», объяснялись им глубокие симпатии многих европейцев к Советской России. Он писал: «Нас мучит и волнует сочувствие большевикам со стороны ... моральной элиты Европы» [2. С. 5]. Позитивное её отношение к стране Советов побудило Г.П. Федотова по-новому взглянуть на актуальную проблему адекватного восприятия социальных процессов, протекающих неравномерно в несхожих культурно-исторических контекстах. Существенно, что этот блок размышлений учёного достаточно близок по своей проблематике теориям модернизации, в современном их виде фиксирующим основное внимание на проблемах взаимодействия процессов вестернизации, как универсальных по своей природе, с эндогенным развитием модернизирующихся культур [14].

Таким образом, Г.П. Федотов, опираясь на свою методологию, отличающуюся междисциплинар-

ным характером, предложил панорамный образ Советской России, сложно совместивший в себе как позитивные, так и негативные черты. Это стало результатом его вдумчивого отношения к советскому периоду отечественной истории, генетически связанному с её предшествовавшими этапами, рав-

но как с общеевропейскими тенденциями развития. Представляется научно продуктивным предложенный мыслителем метод «встраивания» советской истории в столь широкий исследовательский контекст, заметно снижающий вероятность преимущественно политизированных её оценок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–47.
2. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. – СПб.: София, 1992. – Т. 2. – 352 с.
3. Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 240 с.
4. Степун Ф.А. Портреты. – СПб.: РХГИ, 1999. – 440 с.
5. Мень А., Федотов Г.П. // <http://www.vehi.net/men/fedotov2html#-fmref1>
6. Бойков В.Ф. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – 352 с.
7. Ивонина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского педагог. ун-та, 2000. – 442 с.
8. Гаман Л.А. Советская история в изображении Г.П. Федотова: к постановке вопроса // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – № 3. – С. 213–218.
9. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 2. Статьи 1920–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД» / Сост., примеч. С.С. Бычков. – М.: Мартис, 1998. – 383 с.
10. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Статьи американского периода. Т. 9 / Сост., и примеч. С.С. Бычков. – М.: Мартис, 2004. – 383 с.
11. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – 352 с.
12. Русская культура в сравнительно-историческом освещении. Материалы «круглого стола» // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 2001. – С. 5–63.
13. Историческая наука и историческое сознание / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, С.Г. Ким, В.М. Мучник, Н.В. Карначук. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 234 с.
14. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб.: РХГИ, 1998. – 288 с.

Поступила 16.11.2006 г.